

СЛОВАРЬ
СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙТранзитный путь
из варяг в греки

Тимур Кирилов гуляет сам по себе

Известия — 2003 — 9 апр. с. 14

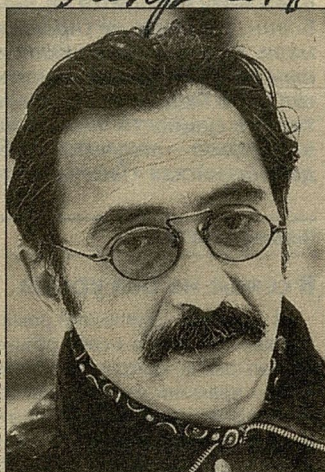
Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Сейчас кажутся неправдоподобными времена, когда молодой литератор стоял перед выбором — ползти на коленях в просторное легальное пространство через узкую прорезь цензуры, или остаться в узких пределах андерграунда, зато никуда не проползая. В те легендарные годы (конец 70-х — начало 80-х) у московских интеллигентов было мало денег, но много свободного времени; они читали сложные книги и ходили в театры не по рекомендациям сладкобуржуазного журнала «Афиша»; много курили, еще больше пили и вовсе не занимались спортом. Чем занимались, уточнять не будем, но к укреплению здоровья это явно не имеет никакого отношения.

В такой-то атмосфере и сформировался подпольный талант Тимура Кирилова. Он-то ползти никуда не собирался; его исходный посыл — лучше быть мелкой букашкой на обочине русской классики, чем самым лучшим крупным поэтом; его кухня вполне устраивала. И кухню он тоже — устраивал. Потому что кухня признавала лишь два варианта достойного литературного поведения; западным современникам и отечественным страдальцам дозволялось писать серьезно до мрачности; ребятам, своим в доску, надлежало хмыкать и подначивать, выворачивать смыслы наизнанку и totally надо всем иронизировать.

Кирилов — иронизировал. Он выворачивал советский новояз, осваивал эпические жанры брежневской эпохи, лиризовал тему колбасы и неподмытого общаговского блуда, окидывал родину матерным взором («Это все мое родное, это все .уе-мое»), прощался с Константином Устиновичем Черненко и глумился над газетой «Правда», где «такую пишут правду, плещет гласность через край». И вызывал одобрение беспартийной общечеловечности. Или порицание. Что в каком-то смысле одно и то же. Потому что советская «духовка» стоила советского разгильдяйства, а разлюли-цинизм соц-арта был сродни экстазическому проповедничеству новообращенных мистиков.

Потом как-то нечувствительно кухня потеряла свою власть над умами. И пародийная основа поэзии Кирилова пошла блоковскими и некрасовскими пятнами. Которые сродни пятнам стыда и гнева, но не трупным пятнам. (Последними пошла проза бывшего кириловского соратника по андерграундной борьбе тов. Сорокина.) Более того; на смену поэтному «Послания к Л. С. Рубинштейну», принесшему Кирилову широкую известность в узких кругах, пришли ироничные, но и пафосные, бытовые, но и драматичные «Послания к Ленке» и другие сочи-

Эпически-иронический поэт
Тимур Кирилов

нения; в книге «Парафразис» поэтический голос Кирилова зазвучал уже не просто пафосно, но и подчас нравоучительно, наставительно, занудно.

Это был опасный момент в его литературной биографии. Прежние друзья-поклонники уже раскусили кириловский орешек, ощутили в нем привкус измены общему делу постмодернизма. А читатели других стихов, привычные к тональности Олега Чухонцева или Иосифа Бродского, от кириловского проповедничества, круто замешанного на смеховом подвохе, по-прежнему отталкивались. (Хотя кто помнит чухонцевские язвительные строки о свекрови «И что обидно, дура, а права ведь», или «Муху» Бродского, тот сознает, насколько сложна и неоднозначна их поэтическая серьезность.)

Более того; настойчивое утверждение своего права именоваться поэтом не в новом, соцартовском смысле, а в старом, классическом, до полной гибели всерьез, — часто заводило Кирилова 90-х в творческий тупик. Он действительно мог становиться скушен и настырно-поучителен. Но для избранной им стратегии необходима была такая жертва качеством и обострение отношений с читателем, тем более — с литературной средой.

Сейчас Кирилов позволяет себе не только иронию и не только пафос. В последней по времени его книжке «Шалтай-Болтай. Свободные стихи», вышедшей в питерском «Пушкинском фонде», звучит сарказм: «Не взывай к нему жалобно — Царь-Государь! / даже эти слова бессловесная тварь / Не способна понять, к сожалению». И недаром стихи названы — свободными. Не в стиховедческом смысле. В человеческом. То есть в литературном.

Что впереди? Все впереди, только хвост позади. Пускай будет простота и сложность, высокопарность и матерность, веселье и занудство, замкнутость и интертекстуальность. И сексуальность пусть тоже будет. Лишь бы не интерсексуальность. Впрочем, от Кирилова, все последовательней воспевающего поэзию нормы, этого — не дожидается.